

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"**

**International Center for University Teaching of Jewish
Civilization, Hebrew University of Jerusalem**

**Институт славяноведения
Российской Академии Наук**

**Материалы Девятой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике
Тезисы**

ספר

Москва 2002

Меноры, Скрижалей Завета, Храма), так и в самом свитке Торы (как два украшенные римонимами стержня, на которые навивается свиток Торы).

Образ Яхина и Боаза в традиционном еврейском искусстве будет рассматриваться:

- как знак имеющий некую фиксированную форму и фиксированное значение в самой культуре иудаизма;

- как символ, который в отличии от знака указывает на перспективу, выходящую за рамки самой формы и единственного фиксированного значения, и свойство которого есть бесконечное количество значений и многообразие возможных интерпретаций;

- как архетип, который, сам по себе не имея ни значения, ни смысла, является чистой формой – структурой генерирующей образы, и смысл которого раскрывается лишь при интерпретации различными культурами.

Таким образом, цель доклада – установить значение Яхина и Боаза как знака, раскрыть семантику этого образа как символа и постараться проследить его архетипную природу.

Юлия Пахунова (Москва)

Любовная лирика Иммануэля Римского

Лирический отдел – количественно самый значительный и качественно самый важный в произведениях Иммануэля. Многие исследователи сходятся во мнении, что вершины своего творчества поэт Иммануэль достиг именно в лирике, где огромное место занимают стихотворения эротического характера. Эротическая поэзия Иммануэля поражает разнообразием мотивов, они, как отмечает С. Дубнов, меняются в зависимости от настроения поэта и от того, какой именно момент любви он воспевае: либо это “влюбленность”, или же “торжествующая любовь”, а возможно, и трагическое завершение, когда любовь уже прошла, оставив в сердце пустоту и ненцелимые раны.

Первый момент – весна любви – обычно представляет собой самый подходящий материал для поэтического вдохновения: это время, когда сердце полно надежд, стремлений, мечтаний и желаний. Лишь тогда можно ощущать себя поистине счастливым, ведь тайна

счастья лежит не в исполнении желания, а в стремлении к его достижению. Разгар отношений не столь благоприятен для сильного поэтического вдохновения, поскольку стремления уже не так высоки, мечты не столь прекрасны. Близок к рассвету по накалу страстей и закат – мрачная осень любви. Он также дает неисчерпаемый материал для песнопения: скорбь о былом, горечь и муки любви, ужас разлуки, страх перед неизвестностью...

И все же выбор между различными мотивами и их бесчисленными оттенками определяется воззрением поэта на любовь вообще. Действительно, абсолютно бессмысленно сравнивать мистическую и благородную эротику Ф. Петрарки, И. Шиллера, В. Гюго и др. с реальной, мрачной и пессимистической эротикой Г. Гейне, Дж.Г. Байрона или М.Ю. Лермонтова. Песни первых звучат как призыв к жизни, счастью и надежде, в то время как вторые вселяют в душу безнадежность и тоску. Это определяется мировоззрением и настроением поэта.

Подобные сравнения приводят к заключению, что есть два разряда эротических поэтов: идеалисты-верующие и реалисты-скептики. Таким образом, для первых любовь – это волшебный идеал, вершина безбрежного счастья, для других же – абсолютно земное чувство, вмещающее в себя и боль, и радость, причем первое всегда доминирует, потому что этим всегда заканчиваются отношения. Так Г. Гейне охарактеризовал любовь, назвав ее “звездой в куче мусора”. Между этими двумя противоположными родами поэтов-эротиков есть еще один, “средний” род. Такие поэты видят как вершину отношений, так и самое их дно и смотрят на это как на что-то фатальное, неизбежное; таковы Данте Алигьери, И.В. Гете, отчасти А.С. Пушкин. Но их очень мало, обычно поэт или реалист, или идеалист.

Иммануэль принадлежит к поэтам-реалистам. Действительно, его можно назвать “средневековым Гейне”, поскольку в его эротике преобладает гейневское настроение: реализм и ирония. Иммануэль относится к любви с большой долей иронии, уверен в ее трагическом финале, считает ее греховной, однако полностью подчинен ей. Его можно назвать певцом страсти, апостолом земной любви со всеми ее радостями и страданиями; любовь для него – сущность земного существования. В комментариях к “Песни Песней” Иммануэль говорит, что “любовь – это центр, вокруг которого вращается все учение Торы”. Небезынтересно, что, высказывая эту мысль,

Иммануэль почти повторяет знаменитого законоучителя рабби Акиву (ок. 50–135) при его аллегорическом толковании смысла “Песни Песней”. Он говорит о любви, не стыдясь и не стесняясь.

Среди творений Иммануэля можно найти произведения на самые разнообразные любовные темы. Огромное значение для поэта имеет женская красота (Иммануэль абсолютно не приемлет женского уродства), и немало разделов его “Махбарот” посвящено ее воспеванию. Поэт вполне обоснованно называет себя “рыцарем страсти” и уверяет, что, если бы “венчали за лучшие любовные песни, он был бы удостоен венца”. Его поэзия превосходит всю еврейскую литературу своей фривольностью. В сонетах Иммануэля, написанных на итальянском языке, он предстает перед нами как пылкий герой, жаждущий жизни. Любовь Иммануэля – это любовь Анакреона, не знающая никаких преград. Его волнует, что происходит вокруг, жизнь для него наслаждение.

Однако стихи поэта не лишены и грустной ноты в память о прекрасном, но закончившемся чувстве. Размышляя о жизни, он осознает всю греховность земной любви и раскаивается, что “сделал страсть предметом своей песни”. И тогда им овладевает полное отчаяние.

К сожалению, ничего не известно о внешних обстоятельствах, при которых Иммануэль писал свои поэтические произведения. Поэтому правомерно возникает вопрос: действительно ли Иммануэль был таким, каким он предстает в своих лирических стихотворениях, – страстным, влюбчивым и легкомысленным? Конечно, на поставленный вопрос можно ответить только отрицательно, ведь никакой лирик никогда не пережил лично всего того, о чем он писал, а тем более лирик средневековый и еврейский. Поэтическое вдохновение не всегда нуждается в фактической основе; для него необходима комбинация чувств и эмоций, а не фактов. Поэтому нет никакого основания считать внешней жизнь Иммануэля какой-то исключительной, основываясь только на его поэтических произведениях, хотя несомненно, что внутренняя его жизнь, весь его умственный склад далеко не гармонировали со складом мыслей окружающего его общества.

Необходимо иметь в виду, что для правильной оценки этого поэта всегда следует помнить о времени, в котором он жил. Современная поэзия, кажется, уже охватила всевозможные лирические мотивы, многие даже уже совершенно исчерпаны, поэтому,

загравивая их, приходится невольно повторяться. Миллионы слов были уже сказаны о любви, о разлуке, о природе, о загадках бытия, обо всем, что волнует и будет волновать человеческие сердца, что исторгает и будет исторгать слезы из человеческих глаз. Но совсем не то было семь веков назад. То, что сегодня кажется тривиальным, старым, тогда было еще новым и неслыханным. В светской еврейской поэзии лирические темы были еще не разработанными.

Только принимая во внимание эти соображения, можно оценить все величие Иммануэля как лирика. Он пел о том, о чем после него пели все гениальные поэты, но даже теперь нельзя без восхищения читать большую часть его лирики.

Поэтому Иммануэля с полным основанием можно отнести к плеяде лучших лирических поэтов средневековья. И нет сомнения, что если бы он писал не на мало кому известном и тогда считавшемся мертвым библейском языке, а на каком-нибудь живом языке, то его имя стояло бы рядом с именами Данте и Петрарки.

Сергей Пивоварчик (Гродно)

Судьба еврейского поэта на переломе эпох: Лейб Найдус

Лейба Найдус прожил всего 28 лет, из которых 11 посвятил поэзии. После его осталось большое количество стихотворений, песен, переводов европейских поэтов, литературоведческих статей. Он прожил мало, но создал много и по количеству и по качеству. Творчество Найдуса было качественно новым шагом в развитии еврейской литературы. "Его песни были своего рода переживанием мировой поэзии, не копия, только достижение, доказательство возможности, что он и сделал еврейским стихом. В течение 11 лет, которые он писал и переводил мировую поэзию, этому молодому гродненцу удалось доказать наши возможности в области изысканной еврейской поэзии, которая до него была в пленках" – так отзывался о поэзии Найдуса литературный критик Я. Гладштейн. Лейба Найдус был песняром радостного оптимизма. Он принес в еврейскую поэзию неповторимую красоту природы, богатую палитру красок и не встреченную до его исключительную сентиментальность к природе.

В еврейской литературе Л. Найдус был явлением экзотическим. Экзотика Лейбы заключалась в том, что его эстетические